

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

С. Г. Агаджанов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОГУЗСКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ

История средневековых огузов издавна привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых. Первые опыты освещения этнической и политической истории огузов в историографии Азии и Европы нового времени относятся к XVII—XVIII вв. В XVII в. хивинский историк хан Абу-л-Гази составил «Родословную туркмен», основанную на данных нарративных источников и народных преданиях¹. Значительное внимание в этом историческом сочинении уделяется огузам, которые считаются предками туркмен.

В XVII—XVIII вв. история огузских племен находит свое отражение и в историографии зарубежного Востока. Большой интерес к огузской тематике проявляют турецкие историки, в частности Мюнеджжим-баши. В его «Сахаиф уль-ахбар»² приведены ценные сведения о племенах огузов и сельджукском государстве. Мюнеджжим-баши использовал при написании своего произведения многочисленные сочинения предшествующих мусульманских хронистов.

В западноевропейской историографии нового времени первые исторические публикации о средневековых огузах появляются в конце XVII в. Пионером в этой области среди европейских ученых был французский ориенталист д'Эрбело. В своей «Восточной библиотеке» он ввел в научный оборот сведения ряда восточных источников о происхождении и исторических судьбах огузов и туркмен X—XIII вв.³ Отдельных проблем

---

¹ Обстоятельная характеристика исторического труда Абу-л-Гази дана в работах А. Н. Жононова: «Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, как источник для истории туркмен и как памятник узбекской литературы и языка», — «Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958; «Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана Хивинского», М.—Л., 1958.

² Derviş Ahmed Müneccimbaşı, Sahaif ül-ahbar, Istanbul, 1273.

³ D'Herbelot, Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel..., t. I—II, La Haye, 1789.

этнической и политической истории огузов, вслед за д'Эрбело, коснулся в XVIII в. французский медиевист Жан Дегинь. Большое место в его «Всеобщей истории гуннов, тюрков, монголов» было отведено сельджукидской державе, в создании которой огромную роль сыграли огузские и туркменские племена⁴.

В дореволюционной историографии России начало изучения проблем истории огузов относится к XVIII в. Первые шаги в этом направлении были предприняты В. Н. Татищевым. Огузская тематика рассматривалась им в связи с историей народов Восточной Европы. В. Н. Татищев, знавший тюркские языки⁵, сделал попытку использовать данные Абу-л-Гази по этнологии огузских племен⁶. Дальнейшее освещение эта проблема получила в работах Н. М. Карамзина — отца русской истории. Н. М. Карамзин одним из первых указал на значение торков-огузов в истории южных областей России⁷.

В советской историографии начало изучению различных аспектов огузской проблемы было положено капитальными трудами В. В. Бартольда. Работы этого замечательного ученого заложили прочный фундамент для дальнейших исследований в области истории огузских племен Средней Азии. Особый интерес в этом отношении представляет труд В. В. Бартольда, посвященный историческому прошлому туркменского народа⁸.

В разработку истории огузских племен ученые Европы и Азии внесли большой вклад. Однако, несмотря на трехвековую давность изучения, огузская проблема содержит еще немало дискуссионных и нерешенных вопросов. Среди них одним из наиболее спорных является вопрос о путях формирования огузской конфедерации в Средней Азии.

Ряд зарубежных и отечественных историков считает, что огузы являются пришельцами из Центральной Азии. В. В. Бартольд и другие ученые отмечали, что предки огузов иммигрировали в Среднюю Азию в VI—VIII вв.⁹ Инфильтрация огузов

⁴ J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*, t. I—II, Paris, 1756—1758.

⁵ И. Ю. Крачковский, *Избранные сочинения*, т. V, М.—Л., 1958, стр. 48.

⁶ В. Н. Татищев, *История Российская*, т. I, М.—Л., 1962, стр. 235.

⁷ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. 1—11, СПб., 1833; *Примечания к Истории государства Российского*, СПб., 1852.

⁸ В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929 (то же: В. В. Бартольд, *Сочинения*, т. II, ч. I, М., 1963, стр. 545—623).

⁹ В. В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов. *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей*, — *Сочинения*, т. V, М., 1968, стр. 270 и сл.; В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*; O. Pritsak, *Der Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğū*, — «*Mélanges Fuad Köprülü*», Istanbul, 1953; I. Kafesoğlu, *Türkmen adı, manası ve mahiyeti*, — «*Jean Dery armağanı*», Ankara, 1958.

на запад связывается обычно с экспансией древнетюркских каганов и распадом Западнотюркской державы.

Другая группа исследователей полагает, что огузы являются исконными обитателями Средней Азии. Подобного взгляда придерживаются, например, С. П. Толстов, который последовательно приводит эту точку зрения в своих историко-археологических работах, имеющих важное значение для изучения истории материальной культуры огузов Средней Азии¹⁰, и разделяющий его мнение Т. Бангуоглу¹¹.

В исторической литературе высказывались различные взгляды на этногенез огузов. Среди многообразных точек зрения можно выделить четыре основных: а) огузы происходят от гуннов и тюрок-тюю, б) огузы соответствуют половцам или команам, в) огузы тождественны уйгурам, г) огузы — потомки массагетов¹².

Сторонником первого из этих взглядов еще в XVIII в. был Ж. Дегинь, пытавшийся доказать, что огузы являются потомками древних хунну¹³. Впоследствии аналогичного мнения придерживались Ю. Клапрот¹⁴ и Ж. Рено¹⁵.

Теория о хуннском происхождении огузов не стала общепризнанной в исторической науке. Датский историк П. Ф. Сум считал ошибочной эту концепцию и выступил с критикой ее¹⁶. В свою очередь он выдвинул тезис о тождестве огузов с половцами-кыпчаками¹⁷. Приверженцами этой точки зрения был це-

¹⁰ С. П. Толстов, Города гузов (Историко-этнографические этюды), — СЭ, 1947, № 3; его же, Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), — СЭ, 1950, № 4; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

¹¹ T. Banguoğlu, Oğuzlar ve Oğuzeli üzerine, — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten», Ankara, 1959, № 180.

¹² В зарубежной и отечественной историографии имеются также утверждения о генетическом родстве огузов с хазарами, печенегами, мадьярами, древними утиями и огурами. См.: П. В. Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв., Киев, 1884; его же, Об узах и половцах, — ЖМНП, 1884, ч. 224; J. Malcolm, Geschichte von Persien, Stuttgart—Tübingen, 1830, стр. 229; G. Clauson, Turk, Mongol, Tungus, — «Asia Major», New Series, 1960, vol. VIII, pt I.

¹³ J. Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols.

¹⁴ J. Klaproth, Tableaux historique et géographique de l'Asie Centrale, Paris, 1824, стр. 121, 122.

¹⁵ Géographie d'Aboulféda, trad. par M. Reinaud, Paris, 1848, t. I, стр. CCCLXVI.

¹⁶ П. Ф. Сум, Историческое рассуждение о хозарах, — «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей при Московском университете», отд. III, 1846, № 3; его же, О пачинаках (печенегах). Перевел с датского С. Сабинин, — там же, 1846, № 1.

¹⁷ П. Ф. Сум, Об узах или половцах, — «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей при Московском университете», отд. III, 1848, № 8.

льный ряд историков XIX — начала XX в., в том числе и такой известный исследователь, как И. Маркварт¹⁸. Концепция о половецко-кыпчакском происхождении огузов встретила горячие возражения. Сначала П. В. Голубовский¹⁹, а затем более основательно В. В. Бартольд²⁰ отметили ее несостоятельность.

Приверженцем теории идентичности огузов и уйгуров был в свое время В. Томсен²¹. С его точки зрения, *огуз* — это этнический, а *уйгур* — политический термин. В. Томсен считал, что огузами называлась группа племен, во главе которых стояла уйгурская династия.

Взгляд В. Томсена на этническую историю огузов разделялся Н. А. Аристовым, по мнению которого огузы, жившие в эпоху раннего средневековья в Центральной Азии, являлись частью уйгуров²². В VIII—X вв. имя «огуз» приняли канглы и кыпчаки, обитавшие в степной полосе Средней Азии.

Точка зрения Н. А. Аристова подвергалась критике со стороны В. В. Бартольда. «Мы не можем, — писал В. В. Бартольд, — отождествить ни уйгуров с огузами, ни гузов с команами»²³. В. В. Бартольд считал огузов потомками тюрок-тюю, не имевших «ничего общего с канглами»²⁴.

Сторонником массагетского происхождения огузов является советский историк С. П. Толстов. Согласно его концепции, исходным ареалом этногенеза огузов является Приаралье и нижнее течение Сырдарьи²⁵. С. П. Толстов сближает имя «огуз» с названием племени аугасиев, которое упоминается в античных источниках. Он считает аугасиев одним из племен древних массагетов, подвергшихся в III—VI вв. влиянию гуннов и хиони-

¹⁸ См., например: Д. А. Хвольсон, Известия Ибн Даста о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, СПб., 1869; А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века, по Р. Х.), СПб., 1870; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, М., 1879; Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», СПб., 1896, вып. IV; Fessler, Geschichte von Ungarn, Bd I, Leipzig, 1867; J. Marquart, Über das Volkstum der Komänen, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, стр. 25—238.

¹⁹ П. В. Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар; его же, Об узах и половецах.

²⁰ В. В. Бартольд, Новый труд о половецах, — Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 392—408.

²¹ W. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896; его же, Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, — ZDMG, 1924—1925, Bd 78.

²² Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен, стр. 21, 22, 144, 145.

²³ В. В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 271—272.

²⁴ Там же, стр. 271.

²⁵ С. П. Толстов, Города гузов; его же, Огузы, печенеги, море Даукара; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации.

тов-эфталитов. Потомки тюркизированных в раннем средневековье эфталитов выступают позднее под собирательным именем огузов. В истории формирования огузского союза племен, по мнению С. П. Толстова, важную роль помимо аугасо-массагетских сыграли гунно-эфталитские, тохаро-асские и финно-угорские элементы. С. П. Толстов полагает, что название «огуз» было занесено в VI в. из Средней Азии в Центральную Азию племенами эфталитского объединения²⁶.

В настоящее время проблема этногенеза огузов, несмотря на безусловные успехи в ее изучении, не может считаться окончательно решенной. Дальнейшая разработка этой проблемы во многом зависит от общего направления исследований в данной области. При этом следует учесть опыт изучения этнической истории огузов за последние три столетия, его положительные и отрицательные стороны. Прежде всего этот опыт свидетельствует о безуспешности одностороннего подхода к проблеме без учета всего комплекса исторических фактов. Становится очевидным неоправданность игнорирования как древнейшего местного субстрата, так и пришлых восточно-огузских и других тюркоязычных элементов. Вряд ли оправдала себя и попытка рассматривать этногенез огузов как прямолинейное развитие от одного народа — предка.

Перед исследователями рассматриваемой проблемы стоят весьма важные и трудные задачи. Необходима систематизация имеющегося и введение в научный оборот нового фактического материала. Для решения этой проблемы использованы далеко не все письменные, особенно византийские и другие западные, источники. Остаются без должного внимания и исторические предания огузов, восходящие к циклу сказаний «Огуз-наме». В качестве примера можно указать на «Историю Огуза», сохранившуюся в отдельных рукописных списках труда Рашид ад-дина²⁷. Эта малоизвестная версия содержит ценные сведения о племенах огузов Средней Азии. Исследование этих преданий на основе критического метода несомненно поможет выяснению отдельных аспектов этнической истории огузов. Дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы немыслимо и без нового палеоантропологического материала, добытого в ареале расселения средневековых огузских племен. В настоящее время удельный вес этих материалов весьма незначителен. Советскими антропологами в основном изучена серия черепов из огузопеченежских курганов IX—X вв. в Западном Казахстане и По-

²⁶ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 275.

²⁷ См., например, фотокопию рукописи Британского музея в ЛО ИВАН (ИВФ-242).

волжье и торко-огузских погребений XI—XII вв. на Украине²⁸. Однако пользование этим материалом затрудняется из-за отсутствия палеоантропологических данных из огузских захоронений Приаралья, нижнего и среднего течения Сырдарьи²⁹.

Разработка вопросов этнической истории огузов тесно связана с проблемой их территориальной локализации в IX—XI вв.

В зарубежной и отечественной историографии высказывались различные точки зрения о расселении огузских племен до образования сельджукидской державы. Среди работ, посвященных данной теме, необходимо сначала указать специальные картографические публикации. В числе подобного рода трудов можно, к примеру, назвать работу Спунера-Менке по исторической географии Средней Азии и Восточной Европы³⁰. Страна огузов в этом атласе локализована в Приуралье, Нижнем Поволжье, Приарале и на восточном побережье Каспия до р. Гурган. На другой карте с изображением мусульманского мира X—XI вв. огузы (узы) помещаются в междуречье Волги и Урала, у Азова, в нижнем течении Дона, на восточных берегах Хазарского моря, около Нисы, Абиверда, в районе Даргана и Гурганджа. Карта Европы и Азии эпохи крестовых походов локализует огузов на их прежних местах обитания. Между тем в эту пору произошли большие изменения в их расселении, вызванные нашествием половцев — кыпчаков.

Наибольшую ценность из историко-картографических трудов представляет работа К. Миллера³¹. В своей публикации арабских географических атласов К. Миллер пытается нанести земли огузов на современную карту Средней Азии и Казахстана. К. Миллеру принадлежит одна из первых локализаций описываемых Идриси в «Нузхат ал-муштак» городов, рек, гор и озер страны огузов. В его капитальном труде содержится ряд интересных интерпретаций географических данных «Нузхат ал-муштак». Однако в целом предложенные К. Миллером сопо-

²⁸ См.: И. В. Сеницын, Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, — КСИИМК, 1951, вып. XXXVII; В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, — СМАЭ, 1958, т. XXVIII; В. В. Гинзбург, Антропологический состав Саркела — Белой Вежи, — МИА СССР, 1963, № 109; Л. Г. Вунч, Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи, — МИА СССР, 1963, № 109; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М. — Л., 1948 (ТИЭ, новая серия, т. 4).

²⁹ Исследована лишь небольшая часть черепов, относимых к огузам, из Сасык-булака, в среднем течении Сырдарьи. См.: В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, — в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951.

³⁰ Spüner-Menke, Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der Neuen Zeit, Gotha, 1880.

³¹ K. Miller, Mappae arabicae. Arabische Welt- und Länderkarten des 9—13. Jahrh., Bd I—V, Stuttgart, 1926—1931,

ставления не подтверждаются историко-археологическим материалом и противоречат тексту Идриси.

В существующей историко-географической литературе по-разному определяется максимальный ареал расселения средневековых огузов. Ж. Рено, например, в свое время писал, что огузы IX—XI вв. обитали к востоку, северу и северо-западу от Аральского моря. Племена огузов господствовали на обширной территории степной полосы Средней Азии. Огузы жили между страной карлуков Семиречья и царством хазар в Восточной Европе³². Ж. Рено отмечает, что отдельные группы огузов проникли в приазовские и приднепровские степи. Само название Азовского моря, по его мнению, произошло от имени огузов (узов). В действительности же Азов назывался Меотидой, а по арабским источникам — Майтас.

В своем комментарии к «Худуд ал-алам» В. Ф. Минорский привел различные сведения из восточных источников о расселении огузских племен в X—XI вв. В. Ф. Минорский указал, что огузы до образования сельджукской империи занимали степи, простиравшиеся от Иртыша до Волги, между Каспийским морем и Мавераннахром. Кочевья огузов были разбросаны в Приаралье, Северном Прикаспии, на Устюрте, в низовьях Сырдарьи, достигая на западе р. Эмбы³³. Обширная сводка исторических данных о передвижениях огузских и туркменских племен в IX—XI вв. приведена им в публикации текста и перевода сочинения Марвази³⁴.

Исследователи, начиная со времен д'Эрбело и В. Н. Татищева, не раз указывали на интенсивные миграции средневековых огузских племен. Наиболее значительные перемещения были вызваны сельджукским и кыпчакским движениями. В XI в. огузы оказались в водовороте огромной волны миграций степных племен Азии. Огузские племена, возглавлявшиеся сельджуками, ушли из Мавераннахра и Хорезма на юг и обосновались в Хорасане. Значительная масса огузов долины Сырдарьи и Приаралья была разгромлена пришедшими с востока племенами кыпчаков. И. Маркварт в своей работе о команах подробнее, чем другие историки, остановился на ожесточенных столкновениях половцев с огузами. Кыпчаки, оказавшиеся сильнее, обратили в бегство огузов, ушедших через южнорусские степи на Балканский полуостров³⁵. И. Маркварт правильно от-

³² «Géographie d'Aboulféda», стр. CCCLVI.

³³ Hudūd al-'Ālam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and Explained by V. Minorsky, London, 1937, стр. 311, 312.

³⁴ Sharaf al-Zamān Tāhir Marvāzī on China, the Turks and India. Arabic Text (Circa A. D. 1120) with an English Translation and Commentary by V. Minorsky, London, 1942.

³⁵ J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, стр. 25—27.

метил, что кыпчакское движение было одним из звеньев интенсивного передвижения кочевых племен от Северного Китая и до границ Западной Европы. Однако при этом он неверно считал, что название «Огузская степь» было переименовано в «Дешти Кыпчак» в XIII в. В. В. Бартольд убедительно доказал, что это переименование имело место уже в XI столетии³⁶.

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии слабо изучен вопрос о судьбах огузов Средней Азии после разгрома их кыпчаками в середине XI в. Лишь в отдельных работах делается попытка выяснить изменения в картине их расселения и основную территорию обитания. В этом отношении наибольший интерес представляет специально посвященное огузам исследование Т. Бангуоглу. Огузские племена, по его мнению, обитали в X в. на Сырдарье, Устюрте, в степях между Иртышом и Волгой. В первой половине XI в. они были оттеснены кыпчаками в Приаралье. Огузы переместились также из Прибалхашских и Приаральских степей в низовья Сарысу, на среднее течение Сырдарьи и к предгорьям Каратау. Во второй половине XI в. название «Страна огузов» прилагалось в основном к долине р. Сырдарьи³⁷.

Проблема территориальной локализации огузов в X—начале XI в. нашла свое отражение и в других исторических трудах. В частности, В. В. Григорьев³⁸, В. В. Бартольд³⁹, А. Ю. Якубовский⁴⁰, А. А. Росляков⁴¹ отметили, что до образования сельджукского государства огузы обитали на нижнем и среднем течении Сырдарьи, в Прикаспии и Приаралье, доходя на западе до Поволжья. Огузы были соседями областей халифата от устья р. Гурген до местности у современного г. Чимкента. В. В. Бартольд подчеркнул, что в арабоязычных источниках X в. туркмены со своим «царем» отмечаются в округе Исфиджаба, а зимняя резиденция правителя огузов упоминается в Янгикенте, в низовьях р. Сырдарьи⁴². Огузы кочевали также в степной полосе теперешнего Казахстана, откуда были вытеснены кыпчаками в первой половине XI столетия.

В изучении проблемы расселения средневековых огузов важную роль сыграли работы С. П. Толстова. Опираясь на исто-

³⁶ В. В. Бартольд, Новый труд о половцах, стр. 166.

³⁷ T. Banğuođlu, Oğuzlar ve Oğuzeli üzerine, стр. 4—12.

³⁸ В. В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу Дюлефе и странствовании его по Средней Азии, — ЖМНП, ч. CLXIII, № 9, 1872.

³⁹ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.

⁴⁰ А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., — СЭ, 1947, № 3.

⁴¹ А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1956.

⁴² В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 560.

рико-археологический материал, он сделал попытку выяснить характер огузских поселений в дельте Сырдарьи и в Восточном Приаралье⁴³. С. П. Толстов предложил свою интерпретацию местоположения некоторых принадлежавших огузам в X—XI вв. городов. Руководимая С. П. Толстовым Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция обследовала недавно ряд новых археологических памятников, которые ученые связывают с культурой сырдарьинских огузов⁴⁴. Племена огузского объединения, по С. П. Толстову, в X в. граничили на юго-востоке с областью Тараз и Шашем (современным Ташкентским оазисом), на юге они обитали в бассейне Кувандарьи, на севере — в бассейне Сарысу, Челкара и Иргиза, на северо-западе достигали предгорий Урала, на западе доходили до поволжских владений хазар, а на юго-западе огузы населяли значительную часть Устюрта. С. П. Толстов полагает, что страна огузов, описываемая Идриси, может быть локализована между Аральским морем на западе, областью Шаш на востоке и горами Мугоджары на северо-востоке.

Проблема территориальной локализации огузских племен IX—X вв. содержит еще много нерешенных вопросов. В существующей историко-географической литературе, как правило, неточно определяется максимальный ареал их расселения до половецко-кыпчакского движения и образования сельджукидской державы. Многие историки неверно определяют территорию обитания огузов на основании данных географического труда Идриси. Более глубокий анализ текста «Нузхат ал-муштак» показывает, что кочевья огузов в X в. простирались от Прибалхашья до Южного Урала⁴⁵. Весьма спорной является локализация огузов в X в. в бассейне р. Сарысу и в предгорьях Улугтау. Очевидно, туда уходила на лето кочевать лишь незначительная часть огузов, находившихся в тесных связях с кимаками. Археологическое обследование степной полосы теперешнего Центрального Казахстана выявило здесь памятники кимако-кыпчакских племен IX—XIII вв.⁴⁶.

⁴³ С. П. Толстов, Города гузов; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации.

⁴⁴ С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, М., 1960; его же, История освоения древней дельты Сыр-Дарьи. (По материалам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции), — «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.», М., 1961.

⁴⁵ Результаты изучения этого текста опубликованы в нашей работе «Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв.», Ашхабад, 1969.

⁴⁶ А. Х. Маргулан, Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, — ИАН КазССР, 1947, № 6; его же, Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сарысу, — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII; его же, К изучению памятников района Сарысу и Улугтау, — ВАН КазССР, 1948, № 2; его же, Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане, — ИАН КазССР, серия археологии, 1951, вып. 3.

* * *

Среди круга проблем огузской истории важное значение имеет вопрос о хозяйстве и общественном строе огузов в IX—XI вв. Зарубежные востоковеды уделили мало внимания социально-экономической истории огузов⁴⁷. Научная разработка данной проблемы нашла свое отражение главным образом в советской историографии. Советские историки (В. А. Гордлевский, А. Ю. Якубовский, А. А. Росляков) отмечают, что ведущей формой хозяйства огузов IX—XI вв. было кочевое экстенсивное скотоводство. С. П. Толстов подчеркивает комплексность хозяйства огузов, обитавших на Сырдарье и в Приаралье. Огузы занимались скотоводством, земледелием, рыбной ловлей, ремеслами и торговлей. Вопреки мнению В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского С. П. Толстов считает, что огузы X—начала XI в. составляли преобладающую массу городского населения на Сырдарье⁴⁸.

Огузское общество, как отмечают советские историки, было родо-племенным по форме и классовым по содержанию. В. А. Гордлевский одним из первых указал на сравнительно развитую социальную дифференциацию у огузов в X в.⁴⁹ А. Ю. Якубовский замечает, что огузские племена X—XI вв. находились на одной из ранних ступеней развития классового общества⁵⁰. Среди огузов выделилась кочевая знать, имевшая многочисленное поголовье скота. А. А. Росляков отмечает постепенную узурпацию огузской аристократией права распоряжаться общинными пастбищами и водными источниками⁵¹.

Советские историки внесли большой вклад в разработку проблемы общественного строя огузских племен исследуемого периода. Однако в резюмированной литературе нет достаточно четкого ответа на вопрос о путях и особенностях становления классовых антагонистических отношений у огузов. Приходится вместе с тем сожалеть, что в советской историографии не уделено достаточно внимания развитию феодальных институтов. Вне

⁴⁷ В некоторых работах турецких историков делается попытка доказать, что огузские племена по уровню своего социально-экономического строя стояли выше населения покоренных ими в XI в. стран Востока. Ошибочность подобной точки зрения показана в работе А. С. Тверитиновой «Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии» («Византийский временник», 1953, т. VII).

⁴⁸ С. П. Толстов, Города гузов, стр. 55 и сл.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 246—248.

⁴⁹ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 43 и сл.

⁵⁰ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954, стр. 39 и сл.

⁵¹ А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 67, 68.

поля зрения многих историков, кроме того, оказались весьма интересные факты, содержащиеся в ряде средневековых источников. Достаточно отметить, что по-настоящему не использованы даже материалы «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского. Совершенно не привлечены к исследованию более поздние толковые словари и другие источники, позволяющие говорить о сдвигах в хозяйстве и социальной структуре огузов XII—XIII вв.

В исторических судьбах огузских племен Средней Азии важную роль сыграло образование государства сырдарьинских ябгу. Однако в отечественной и зарубежной историографии этой державе посвящены считанные работы.

В разработке проблемы государственности средневековых огузов основная заслуга принадлежит советским историкам. В. В. Бартольд одним из первых указал на существование у огузов в X в. примитивной державы с политическим центром в низовьях Сырдарьи. Возникновение огузского государства он связывает с распадом Западнотюркского каганата⁵². В. В. Бартольд отметил также, что зимней резиденцией огузских правителей был г. Янгикент. Однако власть огузских «царей» не была достаточно прочной⁵³.

Проблема сложения государственности у средневековых огузов рассматривалась также в работах С. П. Толстова и А. А. Рослякова. С. П. Толстов считает, что огузы создали свою «варварскую» державу в X в. Огузское государство было осколком распавшегося в VIII в. Западнотюркского каганата. В процессе политической консолидации огузских племен важную роль сыграли внутренние, социально-экономические факторы. Развитие товарного скотоводства, продукция которого превышала потребности натурального хозяйства, привело к появлению влиятельной степной аристократии. Огузская кочевая знать захватила власть над рядовыми скотоводами и оседлым населением сырдарьинских городов⁵⁴.

А. А. Росляков считает, что огузы консолидировались в примитивное «раннефеодальное» государство в X в. Держава сырдарьинских ябгу возникла как политическая организация огузской феодально-племенной знати для подавления рабов и свободных общинников⁵⁵.

Проблеме государственности огузских племен Средней Азии посвящена и одна из статей О. Прицака, в которой он иссле-

---

⁵² В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 259.

⁵³ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 560, 563.

⁵⁴ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 243 и сл.

⁵⁵ А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 70, 71.

дует главным образом внешнеполитические факторы, способствовавшие падению державы сырдарьинских ябгу. Начальную историю этого государства О. Прицак также связывает с распадом Западнотюркского каганата. О. Прицак выдвигает предположение, что огузы захватили области в бассейне Сырдарьи около 766 г. Так было положено начало государству среднеазиатских огузов⁵⁶.

В исторической литературе существует и другая точка зрения, согласно которой огузы не имели своей государственности. Подобного взгляда придерживается, например, А. Ю. Якубовский, который считает, что сырдарьинские ябгу не обладали реальной властью над огузскими племенами. Отличительной чертой рыхлого огузского объединения X в. была племенная раздробленность. А. Ю. Якубовский полагает, что основной формой политической организации огузов, до образования сельджукидской империи, было племенное самоуправление⁵⁷.

В современной историографии, как мы видим, имеется два противоположных подхода к решению проблемы государственности огузских племен Средней Азии. Отдельные исследователи отрицают существование у них своего государства до образования империи Сельджукидов. Большинство же историков признает наличие огузской державы с центром в низовьях Сырдарьи. Сторонники негативного решения данной проблемы указывают на отсутствие у огузов X—начала XI в. верховного титула хана или кагана. Констатация этого факта не может иметь характера решающего аргумента. Средневековые тюркские властители носили различные титулы и звания. Однако градация в титулатуре свидетельствует лишь о развитии системы иерархии. Трудно принять за доказательство и указание сторонников этой концепции на наличие сильных родовых вождей и межплеменной борьбы у огузов X в. Знать крупных и влиятельных племен повсеместно играла ведущую роль в кочевых державах. Специфический способ ведения экстенсивного скотоводства приводил к частым военным столкновениям в степи. Поэтому родо-племенные и военные институты кочевников отличались довольно большой стабильностью и сохранялись после их консолидации в ранние формы государственной организации.

Следует также указать на спорный характер тезиса о возникновении огузского государства в Приаралье и Северном Прикаспии в VIII в., сразу после распада Западнотюркского каганата. В источниках рассматриваемой поры нет достаточно определенных сведений, позволяющих установить точную дату

⁵⁶ O. Pritsak, *Der Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğū*, стр. 397—410.

⁵⁷ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана», стр. 65, 66.

этого очень важного события в истории огузских племен Средней Азии. Первые более или менее достоверные сведения о существовании государства огузских ябгу относятся к концу IX — началу X в. Держава сырдарьинских огузов в тех границах, которые она имела в период своего расцвета, вряд ли могла существовать во второй половине VIII столетия. Образование этого государства со столицей в г. Янгикенте скорее всего относится ко времени между самым концом IX — началом X в.

Признавая факт существования государства у огузов Средней Азии в конце IX — первой половине XI в., вместе с тем необходимо подчеркнуть весьма примитивный характер его политической организации. Держава сырдарьинских ябгу не была монолитным государством. Власть огузских правителей Янгикента была довольно слабой и ограничивалась советом знати. Крупную роль в политическом управлении играли предводители сильных территориальных и племенных группировок. Среди огузских племен X в. сохранялся трансформированный пережиток народного собрания. Однако в ходе дальнейшего развития патриархально-феодальных отношений эти институты военной демократии постепенно сводятся на нет и теряют свое значение.

Среди обширного круга проблем огузской истории X—XI вв. важное место занимает вопрос о сельджукском объединении.

В зарубежной и советской историографии существуют различные взгляды на генеалогию первых Сельджукидов и образование сельджукской группировки. Среди медиевистов имеет хождение несколько теорий о генезисе этой группировки, во главе которой стояла династия Сельджукидов.

Отдельные исследователи полагают, что сельджукская группировка образовалась из монгольского племени салджиут. Сторонниками подобной точки зрения являются некоторые зарубежные историки, например Э. Блоше⁵⁸, Н. Асим. Сельджукиды, по мнению Н. Асима, являются выходцами из кераитов или найманов, исповедовавших христианскую религию. Основателем этой династии был Сельджук (Салджик, Салчик), находившийся на службе у одного из тюрко-монгольских правителей Центральной Азии. Миграция племен сельджукского объединения в Среднюю Азию отнесена ученым к X в. Н. Асим полагает, что Сельджук, не поладив со своим сюзереном, ушел вместе с подвластными ему племенами в Мавераннахр. Сельджук и его «казаки» овладели Джендской областью в 962 г. и приняли ислам⁵⁹.

Совершенно иного взгляда на генезис сельджукского объ-

⁵⁸ E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din, Leyden — London, 1910, стр. 303.

⁵⁹ N. Asım, Türk tarihi, İstanbul, 1316, стр. 244—245.

единения придерживаются З. В. Тоган⁶⁰ и Д. М. Данлоп⁶¹. Сельджукская группировка, по их мнению, происходит из так называемых «хазарских» тюрок⁶². Династия, стоявшая во главе этого объединения, вышла из среды огузских племен. Первые Сельджукиды находились на службе у огузского ябгу, который был «заместителем» хазарского кагана. В конце X в. племена огузо-сельджукского объединения ушли на Сырдарью и основали свое независимое владение⁶³.

Зарубежные историки высказывали и другие взгляды на раннюю историю сельджукской группировки. Г. Вейль, например, считал, что основатель династии Сельджукидов находился вначале на службе у «киргизского» правителя по имени Бейгу. Потом Сельджук не поладил с Бейгу и ушел со своим родом в Мавераннахр⁶⁴. Аналогичной точки зрения придерживается и К. Брокельман, считающий сельджуков выходцами из «киргизских» степей⁶⁵.

В современной западноевропейской историографии наиболее обстоятельной работой о первых Сельджукидах является исследование К. Каэна. Французский историк обращает внимание на значение источника XI в. «Малик-наме» для изучения проблемы генезиса Сельджукидов⁶⁶. Сторонники теории «хазарского» происхождения сельджукской группировки основывают свои взгляды на «Малик-наме». Однако К. Каэн, исследуя этот источник, приходит совершенно к иному выводу. К. Каэн подчеркивает, что под «хазарским царем», упоминаемым в отдельных версиях «Малик-наме» в качестве сюзерена первых Сельджукидов, не следует понимать верховного правителя исторических хазар. Употребляемый в этом источнике термин «хазар» не имеет конкретного этнического содержания.

Проблема образования сельджукского объединения нашла свое отражение и в трудах советских историков. Вопросы ранней истории этой группировки освещались в работах

⁶⁰ A. Z. V. Togan, *Umumi türk tarihine giriş*, Istanbul, 1946.

⁶¹ D. M. Dunlop, *The History of the Jewish Khazars*, Princeton, 1954 (Princeton Oriental Series, vol. 16), стр. 258—259.

⁶² Так именует эту группировку З. В. Тоган в своем предисловии к переводу арабского текста Ибн Фадлана. Однако в работе по всеобщей истории тюрок он употребляет уже термин «хазарские огузы». Последние, по его мнению, обитали между Аральским и Каспийским морями и южной частью Уральских гор.

⁶³ A. Z. V. Togan, *Ibn Fadlan's Reisebericht*, Leipzig, 1939, стр. 26—28; его же, *Umumi türk tarihine giriş*, стр. 174—176.

⁶⁴ G. Weil, *Geschichte der islamischen Völker von Muhammed bis zu Zeit des Sultan Selim*, Stuttgart, 1866, стр. 266.

⁶⁵ C. Brockelmann, *History of Islamic Peoples*, London, 1949, стр. 171.

⁶⁶ C. Cahen, *Le Malik-nameh et l'histoire des origines Seldjucides*, — «Oriens», 1949, vol. II, стр. 31—65.

В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера, С. П. Толстова и А. А. Рослякова⁶⁷. Сельджукиды, по их мнению, происходят из огузов, обитавших в нижнем течении Сырдарьи. В X столетии они стали передвигаться на юг и в XI в., перейдя Амударью, оказались в Хорасане. Сельджукское движение было вызвано потребностью огузской знати в расширении пастбищ и обрабатываемых земель, а также сложной политической обстановкой, в которой сельджуки оказались в конце X — начале XI в.

В резюмированной исторической литературе отражены различные взгляды на происхождение сельджукского объединения. Большим разнообразием суждений отличается и вопрос о ранней хронологии сельджукского движения. Среди историков ведутся оживленные дискуссии, например, о времени переселения Сельджукидов в окрестности Дженда и долину Зеравшана⁶⁸.

Существующие в исторической литературе точки зрения о генезисе сельджукского объединения не учитывают всего комплекса фактических данных. Ряд исследователей, особенно З. В. Тоган, развивая свою концепцию, опираются на серию надуманных отождествлений. С необычайной легкостью, например, превращает З. В. Тоган Лукмана — одного из ранних сельджукских предводителей — в Катана, упоминаемого Ибн Фадланом в качестве огузского вождя X в.

Концепция о происхождении сельджукского объединения из «хазарских» тюрков не подтверждается реальными историческими фактами. М. И. Артамонов справедливо замечает, что против этого взгляда говорит отсутствие в источниках после VII в. титула ябгу в значении верховного главы хазар⁶⁹.

Малоубедительной и необоснованной представляется также концепция о происхождении сельджуков из монгольской среды. Сторонники этой теории прибегают к натяжкам, стараясь доказать, что Байгу, сюзерен первых Сельджукидов, идентичен Бугу — легендарному родоначальнику салджиутов⁷⁰.

Трудно согласиться и с мнением о том, что сельджукская

⁶⁷ В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, стр. 556—573; А. Ю. Якубовский, *Сельджукское движение и туркмены в XI веке*, — *ИАН СССР, ООН*, 1937, № 4, стр. 921—946; Б. Н. Заходер, *История восточного средневековья*, М., 1949, стр. 90, 91; С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, стр. 270, 271; его же, *Города гузов*, стр. 88—91; А. А. Росляков, *Первые Сельджукиды*, — *«Изн. Туркм. ФАН СССР»*, 1951, № 3, стр. 38—42.

⁶⁸ См., например: I. Kafesoğlu, *Selçuklu tarihinin meseleleri*, — *ТТКВ*, 1955, XIX; М. А. Кюмен, *Büyük Selçuklu imparatoru Melikşah devrine dair bir eser münasebetiyle*, — *ТТКВ*, 1953, XVIII; С. Саһен, *A propos de quelques articles du Köprülü Armağanı*, — *JA*, 1954, t. CCXLII.

⁶⁹ М. И. Артамонов, *История хазар*, Л., 1962, стр. 420.

⁷⁰ N. Asım, *Türk tarihi*, стр. 244—245

группировка происходила из числа огузских племен нижнего течения Сырдарьи и Приаралья. В средневековых источниках имеются сведения о том, что сельджуки первоначально жили в нынешней Южно-Казахстанской области. Большой интерес в этом отношении представляет итинерарий Гетума, в котором указывается на происхождение сельджуков из окрестностей Карачыка и Сыгнака⁷¹. Карачыком в этом сочинении, как в свое время отметил и М. Броссе, именуются сырдарьинские Каратау. Действительно, еще в XI в. Карачыком назывались горы к северо-востоку от Сырдарьи, а также «огузские города» Фарабского округа⁷². Очевидно, колыбелью сельджукского объединения был район среднего, а не нижнего течения р. Сырдарьи. В пользу этого предположения говорят также исторические предания туркмен Самаркандской и Бухарской областей. Эти туркмены, некогда входившие в сельджукское объединение, поселились в Нуре Бухарском в X — начале XI в. Согласно их преданиям, они являются выходцами из Южного Казахстана, со среднего течения Сырдарьи. В качестве своей первоначальной родины эти туркмены указывают область нынешнего г. Туркестана. Предки туркменского народа, по их словам, двинулись из Туркестана через Нур Бухарский и ушли в Закаспийские степи⁷³. Все это дает основание полагать, что колыбелью сельджукских племен был район среднего течения р. Сырдарьи.

Рассмотренным выше кругом вопросов, разумеется, не ограничивается вся история огузских племен Средней Азии. В предлагаемом докладе мы лишь сделали попытку дать обзор некоторых спорных проблем, разрешение которых имеет важное научное значение.

⁷¹ Deux historiens arméniens Kiracos de Gantzac, XIII-e s., Histoire d'Arménie; Oukhtanès d'Ourha, X-e s., Histoire en trois parties, trad. par M. Brosset, St-Pbg., 1870, стр. 178—179.

⁷² Махмуд Кашгари, Диван лугат ат-турк, Стамбул, 1914, т. 1, стр. 28 (карта), 404.

⁷³ В. Г. Мошкова, Туркмены Самаркандской и Бухарской областей,— «Бюлл. АН УзССР», 1945, № 4.